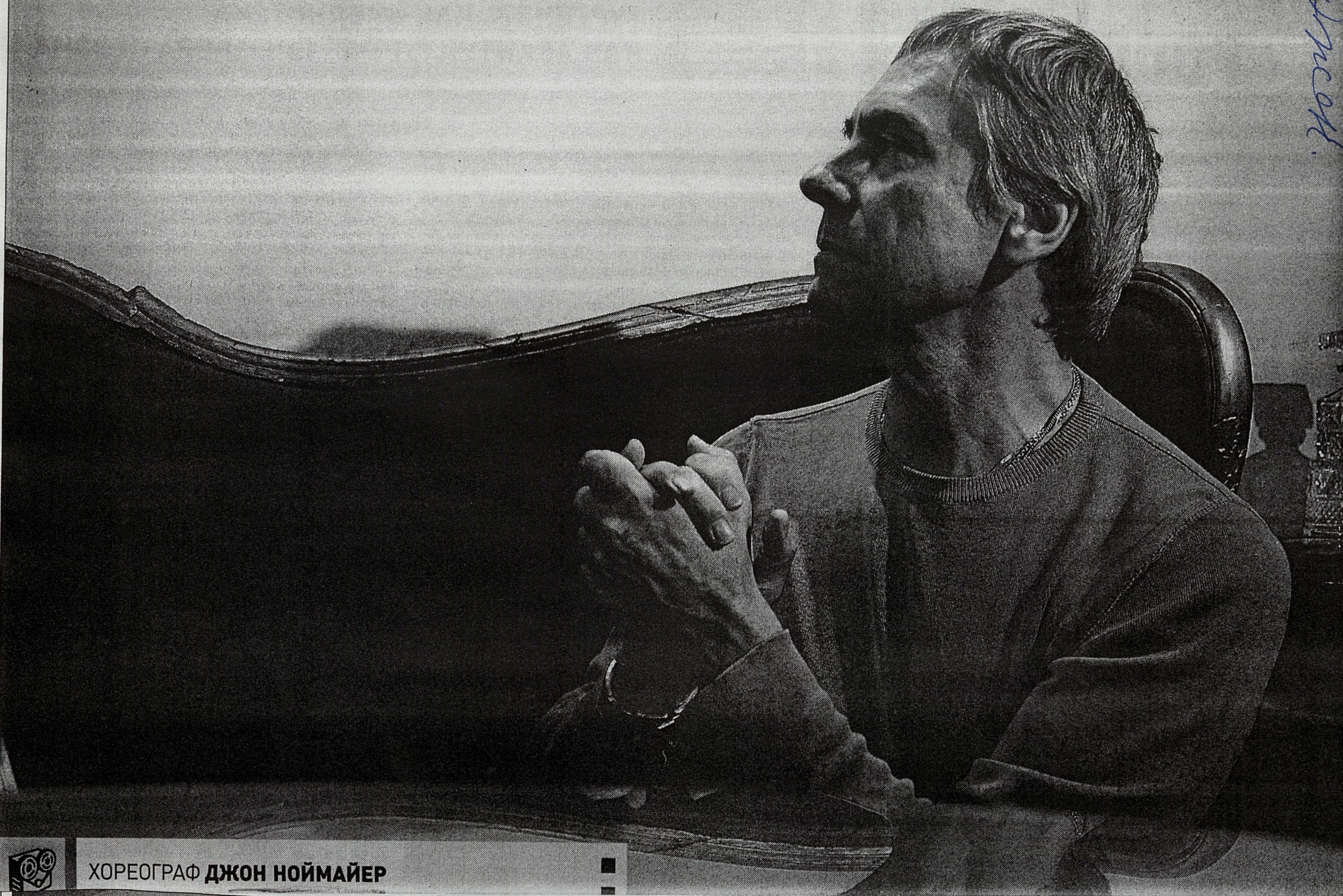

Ноймайер.
Джонсон.

ХОРЕОГРАФ ДЖОН НОЙМАЙЕР

Известия. - 2004. - 16 сен. - С. 14.

«МОИ БАЛЕТЫ — НЕ ТАНЦУЮЩАЯ ГАЗЕТА»

ВИЗИТ

В Большом театре приступил к репетициям выдающийся хореограф, руководитель Гамбургского балета Джон Ноймайер. Переговоры велись с 1989 года. Но только недавно хореограф сдался. В декабре Большой театр покажет один из лучших балетов Ноймайера «Сон в летнюю ночь». С ДЖОНОМ НОЙМАЙЕРОМ встретила обозреватель «Известий» ОЛЬГА ГЕРДТ.

— Пару лет назад, когда вы приезжали в Большой, журналисты вас пытали, что же вы будете здесь ставить, но вы очень изящно уклонились от ответа.

— (Смеется.) Да, было.

— Почему в итоге вы выбрали именно «Сон в летнюю ночь»?

— У меня появился шанс сделать некое исследование о театре. Я посмотрел на труппу Большого в Opera de Paris, потом в Лондоне и решил, что поставлю именно этот балет. Самое важное, когда я еду в новый театр, — это диалог. И я почувствовал, что именно с балетом «Сон в летнюю ночь» я смогу и сам что-то отдать, и получить что-то взамен. Здесь есть классическая техника, но в совершенно разных направлениях. Есть и драматические черты. И очень много героев — они все важны. Именно это создает ощущение ансамбля, как и должно быть в большом-большом театре наподобие легендарного МХАТа в великий его период.

— Этот спектакль я видела на гастролях Opera de Paris в Москве в начале девяностых. Ощущение было волшебным, но тогда показалось, что в Большом для такого балета нет такого количества разных артистов — по амплу, характерам...

— (Смеется и смотрит укоризненно.) Я вынужден сказать, что вы ошибаетесь. В таком спектакле очень важен баланс. Я подбираю

разные комбинации людей, ищу, пробую. Надеюсь, что мы создадим такой ансамбль, который заставит вас забыть о Парижской опере.

«Я НЕ ЗНАЮ, СКОЛЬКО РУССКИХ У МЕНЯ В КОМПАНИИ»

— Мариинский театр вы тоже исследовали. Можете обозначить, чем две наши русские труппы отличаются от западных?

— (Вздыхает.) Всегда есть разница. Очень сложный вопрос — если бы вы писали книгу, мы бы это обсудили. Я бы сказал так: да, давайте про национальность не думать. Танец — искусство абсолютно человеческое. Все люди друг от друга отличаются, и каждая компания отличается от другой.

— Хорошо, абстрагируемся от национальности. Но общеизвестно, что в вашей собственной компании очень много славянских танцовщиков.

— (Проникновенно.) Честно говоря, я в этом направлении вообще никогда не думаю. Я смотрю на человека и вижу те качества, которые я ценю. Я смотрю, артист ли он, возьмет ли на себя ответственность, которая включает еще и дисциплину. Когда я все это вижу — мне все равно, кто передо мной: китаец, француз, русский. Вот спросите: сколько русских у меня в компании? Я не знаю.

— Одна. Анна Поликарпова.

— (Обижено.) Ну почему же одна? (Загибает пальцы и перечисляет всех танцовщиков с русскими фамилиями. Удивленно смотрит на сжатый кулак.) Да, есть несколько.

— Если вспомнить историю создания «Сна в летнюю ночь» — что вас подтолкнуло?

— Я был студентом и изучал Шекспира. Мы анализировали эту пьесу. Это был очень важный день, когда мой профессор объяснил, что в этой истории есть три уровня. Мир фей (космический мир). Мир аристократов. Мир ремесленников. Это сразу же застряло во мне. Юмор пьесы построен на смешении этих уровней. И я подумал — если бы я смог воплотить эти три мира, каждый со своей музыкой, своей хореографией. Смешно, когда Титания попадает не в свой мир с Основой. Я вернулся к этой идее и решил поставить спектакль, уже когда руководил труппой в Гамбурге. Я хотел показать силу ансамбля. Позднее «Сон в летнюю ночь» превратился в такой автограф Гамбургского балета. Потом его ставили самые разные компании.

«ОДИССЕЙ ПЫТАЛСЯ «ОТКОСИТЬ ОТ АРМИИ»

— А вы сами в каких взаимоотношениях с реальностью?

— (Откидывается в кресле и громко хохочет.) Хороший, очень хороший вопрос! Но страшно сложный для разговора. Для меня что важно: я художник, я артист. У меня нет семьи. Моя жизнь — это моя работа. Но я не верю, что я прячусь в своей работе. Я верю, что я беру мир и ужасные вещи, которые происходят, и каким-то способом пытаюсь поместить это в свою работу. Не как танцующая газета. Не прямо. Та трагедия, которая происходит сегодня в России... Я не могу быть человеком, если это не подвигнет меня на что-то.

Я не вмешиваюсь в политику, даже когда я голосую за президента. Как человек, я хочу потрогать этот мир, забрать его в себя, через работу его выпустить и поста-

раться вдохновить танцоров через мою философию.

— В вашем балете «Одиссей» главный герой ходит в военной форме, а по телевизору показывают военную хронику.

— Да, это так. «Одиссея» Гомера — великая работа, но я не могу поставить балет только потому, что это классика. Я не могу смотреть на произведение со стороны и говорить: «О, это красиво». Чтобы создать балет, я должен быть внутри, должен прочувствовать тот уголок сердца, который знает этот характер и эту ситуацию. Исследуя Одиссея, я понял, что вначале это был человек, который не хотел воевать — он пытался «откосить от армии», по легенде. А через десять лет войны по пути домой он вдруг ни с того ни с сего нападает на деревню. Убивает людей и забирает вещи. Это было важным для меня — всего-то три-четыре строфы! Я прочитал и подумал: «Что?» Для меня «Одиссей» — балет об условиях войны. И для меня, как для американца своего поколения, — это вьетнамская война. Очень много ссылок в балете на эту иссушающую, бесполезную войну.

— Вы смотрите телевизор, а там американцы в Ираке. Или Беслан. Бывает, что вы спрашиваете себя: «Боже, чем я занимаюсь?»

— Каждый день. Но я объясняю постоянно своим артистам, в чем наша великая привилегия. Мы видим эту картинку. И когда мы делаем шаги по сцене, то должны осознавать, что делаем это хорошо. Правда хорошо. Только это даст миру что-то. Я не считаю, что балет — какой-то развлекательный бизнес. Даже если мы ставим комедию — это на самом деле способ рассказать о человеческих историях.